

Ах, война...

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...

Булат Окуджава

Глава 1

Фронтовик Матвей Кочнов возвращался из госпиталя домой после тяжёлого ранения в правую ногу. Война для него закончилась – комиссовали «подчистую». Давненько он не видел родных: отца, сестёр, брата, жену Дусю и дочку Люську. Через каких-нибудь два часа поезд прибудет в Ртищево, и вот она, долгожданная встреча... Боже, как волнуется сердце! Всё ли хорошо у них? Брат Сергей добровольцем ушёл на фронт, воюет. Никаких вестей давненько нет от него. Да какие там могут быть вести, сам вот больше трёх месяцев в госпитале провалялся и до этого с полгода ничего не сообщал родным – во всём виновата проклятая война.

Матвей вспомнил её первые месяцы, со страшной неразберихой и ожесточёнными боями. А начинал он службу в рядах РККА в отдельном железнодорожном батальоне с ноября одна тысяча девятьсот тридцать шестого года. Был курсантом полковой школы до июля тридцать девятого, командиром отделения стрелковой дивизии до самой войны, потом служил в танковом полку, в танково – самоходном полку. С мая сорок третьего – механиком – водителем. Фашисты – звери, страшна их жестокость. Матвей содрогнулся, представив эпизод из своей фронтовой жизни. Заходят они в село Мытищи после боя, стоит пронзительная тишина. Дома все целёхонькие, а людей – ни души. Подошли к колодцу воды напиться, а он доверху набит трупами людей. Волосы на голове шевелились от ужаса. А в другом месте собрали фашисты сотни девушек и парней для отправки в Германию, а наши войска были брошены для их спасения и нанесли

внезапный удар по врагу. Так они, в злобе, решили сжечь молодёжь заживо. К счастью, не успели совершить этого злодеяния. Вот какие изверги.

Из окна вагона Матвею открылись знакомые места, здания, и поезд начал сбавлять скорость. Сердце колотилось от радости: я живой, живой! Какое счастье! Совсем скоро я обниму дорогих мне людей. Доченька уже подросла, какой она стала, моя Люська? С ней и поговорить теперь можно. Скорее бы! Всё страшное позади. А разлука мучительна. Певучий поток радости снова ожил с прежней силой. Нет, подумал Матвей, я лучше постучу в окошко и замру на минутку, пусть жена гадает, кто тут. А потом, потом... Он счастливо зажмурился и улыбнулся своему плану.

Тёплые губы Дуси прильнут к моим губам и щекам, холодным с мороза. А Люська обхватит за шею своими маленькими ручонками.

Глава 2

Ртищево – районный центр в Саратовской области. Свежий мартовский воздух вмиг освежил возбуждённый мозг и тело Матвея после душного вагона. Он радостно ступил на родную землю. Вот она, удача! Пусть раненый, контуженый, но живой. Душа поёт в ожидании встречи с родными. Даже мысли слагаются в стихотворные строчки.

– Та – ак, куда идти? К отцу в Благодатку или к Дусе? Да кто же знает, где они сейчас, война всё изничтожила. Пожалуй, пойду в Нарышкино, к Даше. Старшая сестра после смерти матери, рано ушедшей из жизни, стала связующим звеном семьи. К ней шли и ехали родственники и друзья. Со всеми она поддерживала связь и всё обо всех знала. Небольшого росточка, худенькая, проворная, с красивыми «отцовскими» глазами, она жила в любви и согласии с мужем и дочкой. Матвей знал, что отец когда-то сильно возражал против её замужества с «сиволапым» из Нарышкино. Но Даша, хоть и хрупкая с виду, имеет твёрдый стержень – настоящая на своём. Весёлая шумная свадьба была на зависть подругам. Матвей улыбнулся своим мыслям. Они кружили вокруг жениха и невесты, перекинулись на подругу Даши Дусю, обворожительно красивую, стройную блондинку с открытыми

голубыми глазами. В ушах звучала та танцевальная мелодия, а он не сводил глаз с девушки из театра. Весёлая и смелая, она оказалась куда решительнее смуглолицего, чернобрового братишки Даши. Стали жить вместе, не расписавшись. Всё хорошо у них было. И Люська-лапочка народилась в срок. Всего одна фотография довоенного времени есть у Матвея, где он в курсантской форме рядом с женой и дочкой. Тогда он проходил службу в Средней Азии. Этот снимок всю войну с ним, у сердца. Когда становилось невыносимо грустно, Матвей говорил себе: «Ничего, ничего, враг слабеет, а это значит, что конец войне не за горами».

Путь до Нарышкино невелик, если ты здоров. Но, после ранения в голеностопный сустав, фронтовик шёл медленно, припадая на больную ногу. Сумерки заметно сгущались, когда он добрался до небольшого домика сестры и постучал в дверь.

– Кто там? – спросил до боли родной голос.

– Это я, Матвей! Твой брат! – поспешил ответить на голос сестры.

– Уходите. Мой брат погиб на войне, – проговорила Даша дрожащим голосом.

– Да нет же, я живой. Это ошибка.

– Подойдите к окну, я вам похоронку покажу.

Матвей, сильно уставший с дороги, покорно направился к низенькому оконцу избушки. Даша поднесла зажжённую лампу к окну и посветила на листок бумаги. Матвей начал читать: «Ваш муж и сын пал смертью храбрых за социалистическую Родину... Глаза вдруг заслезились, буквы стали расплываться:

– Даша, это ошибка штабного писаря, – произнёс он с отчаянием. – Я был тяжело ранен, очень тяжело, не сразу отыскали меня. Контужен, серьёзно ранен в ногу, ещё осколочные ранения рук и лица. Не мог я писать вам, долго в госпитале лечился. Хочешь, я назову всех родных: Наш отец Матвей Иванович Кочнов, мама – Прасковья, но она давно умерла. Мы жили

в деревне Благодатка. Ещё у нас есть брат Сергей и сёстры Полина и Вера. Ну, посмотри на меня, сестрёнка.

Матвей приблизил лицо к стеклу, и в тот же миг Даша ахнула и уронила лампу, потеряв сознание. От упавшей лампы начался пожар. Благо, быстро успели погасить его. А потом, до самого утра, сидели, обнявшись, и плакали. Но главный удар был ещё впереди.

— Даша, — перебил Матвей рассказ сестры о житье-бытье родных, — что же ты не рассказываешь ничего о Дусе с Люськой? Моё сердце вот-вот выпрыгнет навстречу им.

Сестра помедлила, подбирая подходящие слова. Только, как ни подбирай их, а вывод всё один получается.

— Знаешь, брат, на тебя ведь похоронка пришла. Дуся долго плакала, она ждала тебя все эти годы, до похоронки. В театре теперь госпиталь располагается, она там работает. Одной с ребёнком-то тяжко приходилось.

Матвей замер в ожидании последних слов, аж дыхание перехватило. В груди образовался какой-то комок, больно сжавший её. Глухим голосом выдавил:

— И как она сейчас?

— Сошлась с одним таджиком, Батьяс его зовут.

Матвей, крепкий двадцатисемилетний молодой мужик, потемнел лицом, счастливое ожидание радости сменилось теперь на горькую боль, добавив глубокую морщинку к приобретённым на поле боя.

— Хочу дочку увидеть.

Даша сочувственно гладила спину и плечи брата:

— Люсю она спихнула кому-то из родственников.

Глава3

Больно ранила Матвея Кочнова горькая правда жизни. Сестре пришлось долго утешать любимого братишку, пытаясь отвлечь разговорами

да расспросами. Вытирая ладонью скучные мужские слёзы, он приказывал себе быть сильным. Страшная штука война, жестокая, кровавая, но солдат не только ожесточается в бою, но и твердеет духом. Злость остаётся в бою, а в перерывах между боями, в тесных землянках и холодных окопах, они мечтают выжить в этой кровавой схватке, ведут дружеские беседы и пишут письма домой. В боях за советскую Родину старшина Кочнов Матвей Матвеевич прошёл Сталинградский и Центральный фронты и остался несломленным. Даша понимала, что лечит только время.

– Ты бы рассказал нам, Матюша, о своём ранении, – попросила она. – Как это случилось?

– Расскажу, если интересно.

Матвей откашлялся и унёсся мыслями на поля боёв:

– В июле сорок третьего года на фронте произошла крупнейшая танковая битва за всю историю войны, когда мощные группировки советской пехоты и танковых войск, собранные из двух секторов фронта, перешли в решительное наступление. Но передовые части немецкой армии встали на нашем пути. И обе стороны понесли огромные потери. Немцы потеряли в этом сражении триста танков. Для них это была катастрофа, ведь бескровилась самая мощная группировка. Из-за больших потерь в людях и технике они потеряли покой и отчаянно сражались. А тот памятный бой был уже в декабре. Фашистские танки с крестами на броне ползли и ползли по полу, громыхая гусеницами: один, другой..., уже пять, семь, десять. Мы ждали подкрепления, а оно почему-то задерживалось. Я расстрелял все снаряды и остался в живых единственным из всего экипажа. Медлить было нельзя. Тогда я решил идти на таран. Но немец опередил меня. Я увидел, как из ствола вражеского танка брызнул белёсый дымок, и тут же по броне жутко громыхнуло. Мой танк качнуло. А после второго шлепка танк загорелся. Я выскользнул из него, уже пылающего, через запасной люк. На мне горел комбинезон, и я бежал по полу пылающим факелом. Впереди взметнулся огненный столб, и что – то сильно ударило по ногам, впилось в лицо и руки.

Сколько времени я пролежал в воронке, сколько раз терял сознание и вновь приходил в себя, я не знаю. Но вдруг чувствую, что рядом ещё кто-то есть. Кто? Свой или фашист? Напрягся я весь – как глупо умереть в какой-то воронке, не имея сил выбраться из неё, не выполнив задания. От бессилия хотелось выть, грызть землю за себя и своих товарищей. Почему же нет подкрепления?

Тут кто-то вдруг зашевелился, застонал, и я уловил несвязное бормотание. Передо мной был молоденький немец, раненый в обе ноги и в плечо. Обессиленные, истекающие кровью, мы, как загнанные волки, смотрели друг на друга в упор.

– Гитлер капут, – испуганно прошептал мой враг.

– Капут, капут, – повторил я, пытаясь стянуть с ноги сапог, полный крови, обгоревшими руками. Мои старания были тщетны. Тогда немец нерешительно протянул руки, предлагая свою помощь. С большим трудом сняли сапог, кое-как перевязали ногу, чтобы остановить кровь. Иссечённые осколками руки не слушались.

Матвей надолго замолчал, видимо нелегко давались эти воспоминания: – Немца звали Ганс, – продолжил он более спокойным голосом. Он извлёк из своей солдатской сумки галеты и, поделив их поровну, передал их мне. Утолив голод, мы оба выпили последнюю воду из русской фляжки. Но силы покидали обескровленные тела. К ночи Ганс стал бредить и вскоре затих. Смерть не спрашивает, кто какой национальности на поле боя.

Даша слушала жуткий рассказ брата, не перебивая, только время от времени вытирая слёзы и сморкаясь в носовой платочек. Наконец, спросила:

– Кто же тебя спас? Ведь ночь наступила.

– Ночь да ещё какая – то напряжённая тишина. Иногда небо слабо озарялось то здесь, то там. Это время от времени взлетали над линией фронта осветительные ракеты. Но вдруг тишина взорвалась воем самолётов, рёвом танков, грохотом орудий. Где-то рядом тяжело ухнул снаряд, и я понял, что наши пошли в наступление. Вскоре я почувствовал жуткую боль, кто-то

тянул меня из воронки, всхлипывая и приговаривая «Живой, живой солдатик». С трудом приоткрыл я тяжёлые веки. Сквозь клубы дыма и огня пробивалось багровое солнце, пытаясь обогреть своими лучами истерзанную землю. От сознания, что жив, потекли слёзы по обожжённым щекам. На меня смотрели серые испуганные глаза: «Ты поплачь, солдатик, поплачь! Только не умриай»— шептала девчонка, — Я сейчас перевяжу тебя, и мы выберемся из этого ада.

Трудно было поверить, что эта хрупкая девочка, с перепачканным грязью лицом, длиннющей косой, вчерашняя школьница, вздрагивающая от каждого взрыва и от страха, может спасти меня. Через несколько дней я ещё раз увидел её в медсанбате, уже стриженую под мальчика. Она положила мне на одеяло небольшое яблоко и сказала:

—Меня Раей зовут. Ты поправляйся. Это был мой третий день на войне, а ты — мой первый спасённый воин.

Глава4

Лето сорок третьего было по-настоящему жарким. Началом битвы считалась попытка советской танковой армии, размещённой под Прохоровкой на юге Курской дуги, осуществить прорыв. После знаменитого Прохоровского сражения на Восточном фронте для немцев уже не было спокойных дней.

Со стороны СССР в бой шли танки «Т-34». Они, конечно, существенно уступали немецким по техническим характеристикам: по бронезащите, огневой мощи и дальности прямого выстрела. Но преимущества были в другом — в танковом дизельном двигателе и мужестве наших бойцов. Немецкие танковые корпуса имели шестьсот танков и самоходок, в том числе сто тридцать три «Тигра» и двести четыре «Пантеры». Это была мощная сила, способная поражать «Т-34» и все другие наши танки с дистанции двух километров. А «Т-34», вооружённый 76-мм пушкой, мог поражать их лишь с расстояния триста — пятьсот метров. Но русские дизельные двигатели не раз выручали в критической ситуации. Потому что на немецких танках —

бензиновые двигатели, и во время жары небольшие повреждения системы бензопитания двигателя вызывали образование бензиновых паров, взрывающихся от первой искры.

Утром двенадцатого июля в район Прохоровки навстречу прорвавшейся бронированной фаланге танков устремилась лавина «тридцатьчетверок». Передовой эшелон русских танков на полном ходу врезался в боевые порядки немецкой армады, рассекая их по диагонали и стреляя в упор в духе прежних отчаянных кавалерийских атак. Более тысячи двухсот боевых машин крутились на узком пространстве, сбившись в гигантский клубок, окутанный густыми тучами пыли и чёрного маслянистого дыма горящих танков и самоходок. В лобовом столкновении танки загорались, и тогда танкисты шли сражаться врукопашную. А она, беспощадная рукопашная, с ключами от танков, когда глаза в глаза, заставляла всё забывать, кроме боевой задачи, и фрицы драпали наутёк.

Экипаж, в котором Матвей Кочнов вёл боевые действия, огнём и гусеницами уничтожил до сорока гитлеровцев, один танк и две пушки противника. Вооружение танка работало безотказно, экипаж действовал смело и решительно. Во время боя танк был подбит, командир батальона – убит, а Кочнов – ранен. Он удостоен правительственной награды – ордена «Красной Звезды». В его, совсем не богатырской, фигуре таились огромное мужество и выносливость.

Спустя годы, фронтовики не любили рассказывать о войне и не могли сдерживать слёз. Про фильмы о войне они говорили так: «Здесь всё показано красиво и быстро. Красиво наступают, красиво умирают. Мы, солдаты того времени, были намного меньше ростом, чем нынешние актёры, играющие солдат, не так смотрелись у орудий. А на самом деле это очень и очень страшно». Порой бой длился целый день, но братский союз советских воинов творил чудеса. Бывало, в одном батальоне сражались воины двадцати национальностей. Матвей Кочнов всю жизнь помнил своих друзей – однополчан, сослуживцев и командиров. К примеру, командир взвода танков

лейтенант Бикулов, татарин среднего роста, подтянутый, любил повторять: «Мы больше, чем кровные братья. Над нами одно огромное небо, одни и те же пули свистят, и приказам одним мы подчиняемся»

Александр Мурашко, богатырского телосложения, заряжающий, был ещё и весельчаком. Он никогда не обижался на шутки танкистов, когда те посмеивались: «Эх, Сашка-Мурашко, муравей, ну ты и вымахал!»

Действительно, вымахал, в танке сидел он, скрючившись. Непонятно, как его взяли в танкисты. А Матвей Кочнов, командир башни танковой бригады девятнадцатого танкового корпуса в боях под Каменкой и Днепровкой Запорожской области показал образцы отваги и мужества. В процессе боя с противником он энергично, стойко и мужественно отражал все атаки противника. В районе высоты 244,9 экипаж подбил четыре танка врага и уничтожил с пулемёта до ста пятидесяти гитлеровцев. Товарищ Кочнов награждён медалью «За отвагу».

Глава 5

Пережив душевное потрясение, Матвей, хоть и медленно, но приходил в себя среди родных и близких в семье сестры, воспоминаний о довоенной жизни. Как-то, укладываясь спать, он обратился к сестре:

– Даша, а мне часто на войне снились иконы. Однажды, во время короткого привала, архангела Михаила увидел крупным планом. К чему бы это, – подумал тогда. И тут же разгорелся страшный бой с фашистами. Много потерять было в тот день, а меня даже не царапнуло. Может икона защитила, как ты думаешь?

Даша улыбнулась:

– А как же иначе? Мы родились и выросли в семье иконописца, да и у тебя есть такой дар. Отец подолгу молился за вас с Сергеем, и все были уверены, что вернётесь живыми. Когда же пришла похоронка, долго не

верилось. Ты помнишь иконописную мастерскую отца? — задумчиво проговорила Даша.

Конечно, Матвей всё помнил. Большее пространство дома было занято его рабочим местом — огромным столом с разложенными на нём заготовками для икон, баночками с пигментами для приготовления красок, ящичком художника с инструментами. Они, дети, сидели тихо и наблюдали, как отец «писал» иконы. Не спеша раскладывал на столе каменные плиты для перетирки красок, а потом составлял с этих, тонко растёртых, красок колер. А дальше уже наносил его на лицо и одежду. И сусальное золото было у отца — он покрывал позолотой венец.

Несмотря на бесспорные успехи в самых разнообразных жанрах живописи, он проявлял особый интерес к религиозной тематике, изучал старославянскую иконопись. Его иконы сияли не окладами, а остротой и плавностью художества. Это было искусство. Порой, задумавшись, отец подолгу стоял перед творениями своих рук. А если кто окликнет, отвечал не сразу: «Сердце трепещет перед чистотой Пресвятой Богородицы».

Младший ребёнок Матвея Ивановича Матвей получил хорошее наследство от отца — призвание к искусству, живописи и иконописи.

Даша лукаво взглянула на молчаливого брата:

— О чём задумался? Всё ещё помнишь? — и унеслась мыслями в детство.

— Да разве забудешь? — сказал скорее себе, чем сестре. Только раньше вспоминал это с обидой, а теперь — почему-то — с грустью.

А было ему тогда лет двенадцать. Отлучился отец по делам, оставил незаконченную икону. И невесть какая сила потянула мальчика к ней, этой иконе. Взял он кисть и дописал её. Что тут было! Отец заставил сына спустить штаны и отхлестал его ремнём, приговаривая:

- За самовольство, за дерзость взяться писать икону без божьего благословления.

А жене потом сказал удовлетворённо: «И как ловко он это сделал, паршивец! Чуть-чуть отличишь от моей работы».

Матвей любил рисовать природу, натюрморты, но никогда с тех пор не изображал людей. Матвей Иванович был очень грамотным и одарённым человеком. Семья жила в достатке. Дети умели играть на виолончели и гармони. Старший, Сергей, мечтал о скрипке и тоже хорошо рисовал. Родители старались привить детям хорошие манеры, доброе отношение к людям. Жена Матвея Ивановича, Прасковья, была искусной вышивальщицей и обучила дочек этому мастерству. К сожалению, её парализовало в среднем возрасте, а позже она умерла от тифа. Жители Благодатки относились к Кочновым с большим уважением и восхищались их образованностью и интеллигентностью. Сам же Матвей Иванович считал, что интеллигентность определяется не образовательным уровнем, а поведением и отношением к человеку.

У Даши подрастала дочка Зиночка, и Матвей любил играть с племянницей.

– Моя Люська, пожалуй, такая же, она немногим младше Зиночки, – думал он. Хоть бы одним глазком её увидеть, обнять, прижать к сердцу.

– Даш! Какая она, моя дочка?

– Да вся в тебя, хорошенъкая. Сама тёмненькая, а глазки синие, и умненькая девочка. Ты бы в госпиталь сходил, поискал свою Дусю. По совету сестры Матвей обращался и в госпиталь, и по родственникам искал, но всё безрезультатно. Девочку скрывали от отца.

– Значит, моя война не закончилась, – решил он.

Недолго думая, порвал все документы и отправился на фронт рядовым солдатом. И опять танк «Т-34», бои и многочисленные ранения. Уезжая на запад, заверил сестру:

– Я обязательно вернусь, как только разобьюм врага. Я буду рисовать мирную жизнь. И дочку найти надо.

Глава 6

До марта сорок пятого года Матвей Кочнов прошёл через пожарища боёв в должности механика-водителя «Т-34». Получил заслуженную награду – медаль «За Победу над Германией» и множество ранений. Победу встретил в госпитале после очередного ранения, но долго стоял перед глазами разгромленный польский хутор с единственной уцелевшей белёной хаткой посередине: настежь открытые окна, стол, застеленный белой скатертью, а на столе – открытая библия.

Ещё две маленькие фотографии носил танкист в кармане гимнастёрки, юной санитарки, вынесшей раненого бойца с поля боя, и маленькой девочки Маруси, которая приходила в госпиталь с мамой – медсестрой, приносила раненым воду в кружке и пела им песни. Глядя на девочку, они вспоминали своих детей, теплели душой и пуще прежнего хотели жить, сохраняя свою любовь и родительскую нежность. Война не только разрушала города и сёла, уничтожала всё, созданное трудом человека, она ломала человеческие судьбы. Весной Матвея перевели на Дальний Восток. Дальнейшую службу он проходил в Моховой Пади, под Благовещенском, обучая будущих танкистов.

Красивый мужчина в военной форме, небольшого роста, всегда аккуратный, по пути на службу постоянно встречался с молоденькой почтальонкой. Маленькая, хрупкая девушка частенько принимала на свои плечи чужое горе, вручая семьям похоронки. Они шли часто, и всё село содрогалось, а пули той жуткой войны застревали в душах людей.

Как-то, после вручения очередной похоронки, девушка выбежала из калитки небольшого домика вся в слезах и нос к носу столкнулась с Матвеем:

– Постой, постой, – остановил он её. Что случилось? Почему ревёшь?

– Жалко тётю Лиду, муж у неё погиб, – ответила девушка, всхлипывая и вытирая ладонью слёзы. И вдруг разрыдалась во весь голос, припав к его плечу.

– Во всём виновата война. Столько судеб исковеркала, – глухо проговорил Кочнов, перед глазами которого замелькали картины своих жизненных потерь. Он осторожно коснулся руки девчонки:

– Успокойся. Тебя как звать-то?

– Прасковья, – тихо, сквозь слёзы, сказала она. Все Пашей зовут.

Матвей вздрогнул. Надо же! Мою маму тоже Прасковьей звали, а отец Матвей, как и я. Справившись с волнением, спросил:

– Сколько же тебе лет?

– Восемнадцать. Я, вообще-то, сильная, всю войну комбайнёром работала. Просто жалко людей, – объяснила Паша свои слёзы, постепенно успокаиваясь:

– Во всём виновата война. Все наши девчата окончили курсы механизаторов и заменили мужчин, ушедших на фронт.

– Так здесь ведь нет колхоза.

– Я жила в селе Маркучи Свободненского района, там и работала.

Следующая встреча Матвея и Паши состоялась только весной, в пору дурманых запахов цветущей черёмухи, которая росла почти у каждой усадьбы. Она украсила села Дальнего Востока в белую пену цветов и нежных ароматов, как будто природа радовалась мирному небу и выражала эту радость буйством цветения.

Почтальонка постучала по калитке и звонким голосом пропела:

– Эй, хозяин, вам письмо, получайте! Увидев Матвея с кистью в руке, замерла.

– Это вы Кочнов Матвей Матвеевич?

– Так точно, – отчеканил он.

– Вам письмо. От жены, наверное.

Матвей посмотрел на конверт, письмо было от Даши.

– А чем вы занимаетесь? – кивнула на кисть в руке Кочнова.

– Рисую.

– Вы художник?

– Я военный. Но иногда рисованием балуюсь. Не очень-то получается.

– А можно посмотреть на ваш рисунок?

– Почему же нельзя, проходи, – он распахнул калитку.

И та изумилась ещё больше, увидев несколько картин, написанных маслом. Они висели вдоль всей стены, и казалось, что природа в них дышала, пронизанная воздухом, животные жили своей жизнью, а фрукты и еда в натюрмортах обещали сытую и счастливую жизнь. Паша разглядывала картины широко раскрытыми глазами, затаив дыхание. Она никогда не видела ничего подобного. У картины, изображающей фронтовой эпизод битвы за Сталинград, стояла долго, вглядываясь в лица бойцов, полные решимости и воли к победе. На вопрос хозяина:

– Ну, как? – ответила искренне и восхищённо:

– Вы – настоящий художник, – и смело посмотрела в лицо Матвея, задержав взгляд на его шикарных усах.

Свидетельство о заключении брака с Шаренковой Прасковьей Гавриловной было выписано на тонкой серой бумажке второго января сорок седьмого года не очень грамотным секретарём сельсовета, даже есть исправления. Но качеству их семейной жизни это никак не помешало.

В 1948 году Матвей Кочнов был комиссован из армии по состоянию здоровья, осколки лезли и лезли из его тела наружу, обрасти хрящом.

Глава 7

Идёт время. Страна залечивает свои раны. Уже стали подростками дети фронтовиков, родившиеся после войны. У Кочновых их семеро. Хозяин сразу заявил молодой жене:

– Будешь рожать всех, кого Бог даст – слишком много смертей на войне повидал.

После ухода из армии бывший танкист уехал с женой на её родину – в Маркучи. Некоторое время поработал в школе учителем физкультуры, но раны постоянно давали о себе знать. Но тут предложили фронтовику должность начальника почты в Семёновке, там и начался постоянный трудовой путь Кочнова. В его трудовой книжке только поощрения, потому что свою службу он несёт ревностно. Строго следит за своевременной доставкой почты, все жители села у него охвачены подпиской на газеты и журналы. А дома столярничает, плотничает и расписывает сани и дуги для лошадей. Мастер на все руки, он изготовил красивую мебель, выточив на своём станке фигурные деревянные ножки и украшения: стол, буфет, шифоньер, этажерку, подставки для цветов, которые с любовью разводит его Прасковья.

Деревня – это не базар. Здесь всё во взаимодействии – люди, земля, природа. Земля – мать, труд – отец, а их любовь рождает жизнь. Матвей Кочнов считает, что страна может возродиться только от земли и от любви.

Родителями Кочновы стали строгими, но и любящими. Все дети приучены к труду: занимаются прополкой на огороде, помогают по хозяйству, сушат и сгребают сено на покосе, ходят за ягодой и грибами, собирают лук и щавель. Старший сын Володя колет дрова, а младшие, встав цепочкой, складывают их в поленницу. Всю домашнюю работу делают тоже вместе. Каждая из сестёр отвечает за порядок в одной из комнат, даже некрашеный пол научились скоблить добела. Прасковья Гавриловна по-прежнему трудится почтальоном, а старшие дети помогают матери разносить почту, за что отец спрашивает очень строго, заставляя переделывать, если что не так. Он всех детей научил стрельбе из воздушки в спичечный коробок. Но у Люси это получается лучше, чем у других. Толковая девчонка растёт. Учитель рисования Фёдор Васильевич не устает восхищаться её

способностями – природным даром к художественному творчеству. Любой рисунок умеет выполнить, будь то пейзаж или портрет.

Однажды обратился председатель сельсовета с просьбой к Матвею:

- Ты бы, Матвеич, взялся изобразить Ленина, очень прошу. Так нужен портрет для Красного уголка!

Матвей крикнул в открытое окно Люське:

- Дочка, поди сюда. Взгляни-ка на этот портрет. Знаешь, кто это?

Люська вся засветилась, сияя глазками

– Это Ленин, наш вождь.

– Сумеешь его нарисовать?

– Конечно.

И с радостью занялась творчеством. А председатель, наблюдая за её аккуратной работой, всё ахал и охал:

– Ну и Люська! Да она же вся в тебя, Матвеич! И поёт хорошо, и на гармошке играет, как ты.

Кочнов аж зарделся от похвалы за дочку:

– Она ещё и стихи сочиняет. И невольно опять прилетела мысль:

– А какая она та Люська, от первого брака?

Так никогда и не встретился он с дочкой. После войны Дуся отыскала его через Дашу, письма писала, прощения просила, но о дочке почему-то умалчивала. Матвей складывал письма в настенные часы, повторяя:

– Во всём виновата война.

Прошло много лет прежде чем Кочнов стал постепенно успокаиваться. А то ведь чуть ли не каждую ночь воевал во сне. Один раз едва не задавил свою Прасковью, когда она склонилась над ним, чтобы разбудить:

– Матвей, Матвей, проснись, – звала она мужа, – Опять сон про войну?

Муж проснулся весь в поту:

– Опять с фашистом сражался врукопашную.

Прасковья присела на кровать рядом с ним, тяжело дыша:

– И откуда у тебя силы берутся? Насилу отбилась от твоих рук. Ну и цепкий...

Матвей помолчал, успокаиваясь, приходя в себя после пережитого в сне:

– Когда горе, потери и слёзы захлестнули страну, только сила духа, вера в своё правое дело да надежда на спасение Родины помогали русскому солдату выдержать те страшные и горькие годы, стать грозной силой для врага. А насчёт рукопашной, ты не подумай, что часто бывала.

Глава 8

Весёлые детские голоса вернули Матвея в реальность. Люська так же «колдовала» над портретом Ленина, председатель не спешил уходить, изумляясь похожести вождя под кистью девочки. Из открытого окна слышалось:

– Яшка замарашка!

– Яшка – цыган!

А, это дети с вороном играют. Матвей всегда прислушивался к запросам детей, и в доме не переводились птицы и звери: филин, белка, енот, а вот теперь – ворон Яшка. Пусть привыкают к живности, добре станут.

Голоса за окном затихли на минуту, и тут же призывный крик:

– Вера –а! Скорее сюда!

Оказалось, что у Яшки рана на ножке, полечить надо.

Младшая из дочек, десятилетняя Верунька, вбежала в избу за аптечкой.

– Здрасте, – кивнула уважительно председателю.

– Здравствуй, красавица. А ты никак доктором собираешься стать?

– Собираюсь, – скромно ответила девочка.

– Помню, помню, как ты всех «лечила» ещё в раннем детстве. И я был твоим пациентом.

Верочка зарделась от смущения, а председатель с интересом спросил Матвея:

– Откуда у неё такая любовь к медицине?
– Не знаю, у нас в родове таковых не было, – развёл руками Кочнов.
– Да все дети у вас толковые да талантливые. По-доброму завидую тебе, Матвей Матвеевич.
– Мы с Прасковьей стараемся учить всех детей житейским премудростям, устраиваем семейные читки книг вслух, а как Верунька научилась читать и не заметили. Она ведь с четырёх лет читает, от Любушки научилась. Та любила в школу играть с младшими и соседскими ребятишками. А Веруня на лету всё схватывала. Возьмёт, бывало, газету и читает нам заметку за заметкой, да так бойко «шпарит» по строчкам. В библиотеке тоже удивлялись маленькой читательнице. А в школу не взяли в пять лет – ох уж расстроилась девонька.

Направляясь к выходу, председатель кивнул вслед убежавшей «докторше» и в сторону погружённой в работу Люси, задумчиво произнёс:

– Дать бы им образование.

Хозяин грустно покачал головой:

– В семье из девяти ртов это недостижимая мечта, бедность изо всех углов смотрит.

Жили и правда бедненько, хоть и старались изо всех сил. Прасковья стряпала, шила, вязала, перелицовывала одежду. А дети чистили её сухарями. Матвей был заядлым рыбаком и охотником, клал печи, паял кастрюли и стриг односельчан. Но каждую свободную минуту он посвящал рисованию. В доме почётное место занимал круглый стол с красками и холстами. В голодные послевоенные годы особую радость доставляли натюрморты с экзотическими фруктами и закусками, а также природа и животные. Односельчане и родственники радовались, получая в подарок картины. А дома они висели над каждым окошком и по стенам. Талантливый самоучка

не копировал слепо созданное другими, а искал свои пути отражения собственного внутреннего мира.

Говорят, талантливый человек во всём талантлив. Так и Матвей Матвеевич. Он хорошо пел, играл на гармошке и балалайке. И дети познакомились с русскими народными песнями от родителей. Мать затягивала свою любимую песню «Сидел рыбак весёлый», и дети подхватывали её. Отец же всегда заканчивал пение своей любимой – «Не обижай меня, Прасковья». Слёзы наворачивались на глаза фронтовика. Дети замолкали, они жалели отца. Но всегда радовались его неуёмной энергии, творческой смекалке. Летом много работали: покос, огород, хозяйство, заготовка ягод и грибов. Вечерами играли перед домом в лапту и чехарду, а в дождливую погоду читали. А то отец вдруг озадачивал детей:

– Кто может коротко и ясно передать сюжет фильма или книги?

При этом требовал чётко выговаривать слова и правильно выражать мысль. У мамы получалось лучше всех и предельно ясно:

– Был богатый и жадный, в конце всё равно умер.

Даже в самые трудные годы родители устраивали праздники для детей. К Новому году каждому ребёнку готовили костюм. Например, Саше делали костюм фотографа. Макет фотоаппарата был из картона. Нажимаешь на кнопочку, и выскакивает «фотография» – рисунок. Их рисовали всей семьёй. Обязательно проводилась новогодняя лотерея. Дружно рисовали лотерейные билеты, чертили таблицу с призами, назначали кассира, который продавал билеты по одной копейке. Лотерея была беспрогрышная: пуговица, карандаш, мандаринка, баранка, баночка с вареньем. После розыгрыша призы выкладывали на стол, и начиналось чаепитие. Двери дома были открыты для родных и друзей. А когда Кочновы приобрели телевизор, их дом каждый вечер был полон зрителей.

Глава 9

Проходят годы, десятилетия сменяются одно другим, уходят из памяти случайные встречи и разговоры, неинтересные люди. Но те, с кем свела война бывших фронтовиков, память держит крепко. Потому что неповторимое остаётся в ней навсегда рубцами старых ран, образцами человеческой верности и надёжности. Как-то в канун дня Победы Кочнову подарили документальную книгу о сражении на Курской Дуге. Он радовался, как ребёнок, обращаясь к домочадцам:

– Посмотрите, я нашёл имена своих командиров: это комбат, а это командир полка.

Перед мысленным взором Матвея Матвеевича стояли сдержанный, неторопливый в принятии решений лейтенант с добрым лицом, всегда готовый улыбнуться и пошутить, отличный боевой офицер – командир полка, энергичный, обладающий исключительной выдержкой.

– Слышите канонаду? – спросил он. Это зенитчики отбивают атаку немецких танков.

Лейтенант, – крикнул он, – Ударь по полной! Захвати полигон и закрепись. Бери всех и в бой!

Лейтенант собрал командиров взводов, объяснил обстановку. Он был уверен во всех экипажах, мастерски владея машиной и отлично стреляя сам, он обучил и их.

– По машинам! Делай, как я! – показал флагжками, и все двинулись выполнять боевую задачу.

Танк Матвея идёт вслед за головным, моторы ревут во всю мощь.

– Кочнов! Любой ценой задержать фашистские танки! Скоро будет подмога, и улыбнулся открытой улыбкой:

– Живы будем – не погибнем.

Матвей оглянулся – всё в огне: земля и небо. Сплошное многокилометровое облако дыма и огня. Несколько танков дымят, подбитые

огнём зенитчиков. Какие они молодцы! Без прикрытия танков и пехоты отражали и удары с воздуха, и атаки танков. При подходе к району нужной высоты их рота разворачивается в боевую линию. На ходу открывают огонь из пушек и пулемётов. За ними – пешие маршевые роты. Атакуют на большой скорости, по команде открыть огонь ловят в прицел фашистский танк, снаряды надо беречь, бить только прямой наводкой, наверняка. Фашисты не выдержали удара, попятались. Это хорошо, удалось быстро закрепиться. Каждой машине указано место и сектор обстрела. Между танками тридцать-пятьдесят метров. Прикрылись ветками, только пушки торчат. К отражению атаки готовы. Есть беспокойство, что снарядов в обрез, но вот подошёл экипаж с ящиками снарядов, и быстро раздали их. Настроение поднимается, и выигран ещё один бой. Вокруг трупы гитлеровцев, уничтоженные пулемёты, четыре подбитых и брошенных танка.

– Как это было возможно? Откуда силы брались? – опять задаёт фронтовик вопрос себе. И ответ приходит разом:

– Это была Родина, которую мы освобождали от врага пядь за пядью.

Глава 10

Приближались торжества по случаю тридцатипятилетия Великой победы. Матвею Кочнову нездоровилось. Не давали покоя полученные на фронте тяжёлые раны, да ещё вот пережил большое волнение во время просмотра документального фильма – хроники военных лет. На экране враг ведёт отчаянный бой, защищая свои позиции. Но тут, сея панику среди врагов, стремительно несутся грозные «тридцатьчетвёрки», нанося обороне врага удары то в одном, то в другом месте города. Матвеич вскочил с места и, охваченный волнением, закричал:

– Моя, моя танкеточка! Родненькая моя!

Весь напрягшись, он смотрел, как «тридцатьчетвёрку» атаковали «Пантера» и «Тигр». Боль исказила лицо бывшего танкиста. Но, громыхая гусеницами и ведя огонь из пушки и пулемёта, шли одна за другой боевые машины гвардейцев. По щекам Кочнова текли скучные мужские слёзы...

Усилием воли он не сидит, сложа руки – привык работать всю жизнь, и никакая работа не тяготила его. Вся трудовая деятельность связана с почтовым отделением. После безукоризненной работы в должности начальника почты и ухода на пенсию, он ещё долго трудился электромонтёром и истопником. Односельчане уважительно приостанавливаются при встрече с главой большого семейства, ветераном-орденоносцем, известным на всю область сельским художником, чтобы выразить дань большого уважения.

Перед самым праздником в Семёновку нагрянули «высокие» гости: глава района, корреспонденты, военные люди. Особенно выделялся высокий человек в шинели и папахе. Гостеприимные жители села с радостью указали на аккуратный домик Кочновых у обочины дороги:

– Вот здесь и живёт наш герой!

На стук в дверь вышел смуглолицый хозяин, с умным цепким взглядом и густыми тёмными усами.

– Добрый день, уважаемый Матвей Матвеевич, – начал разговор представитель военкомата. Мы ехали на встречу с орденоносцем, а здесь, похоже, художественная выставка ждёт своего зрителя, – произнёс он полуслутия, полуувопросительно.

– Так это я рисую немножко, – пояснил Кочнов с чувством достоинства, кивнув на полотна, висящие на стенах и прислонённые к ним на полу.

– И куда вы их готовите? – не унимался военком.

– Подарю Дому культуры, школе, больнице, знакомым. Если нравится, могу подарить районному Совету ветеранов вот эту, – он с любовью

коснулся пальцами подрамника картины «Зашитники Брестской крепости». В разговор вступил молчавший до этого седой генерал:

– Скоро День Победы, Матвей Матвеевич. Мы приехали поздравить Вас и вручить юбилейную медаль. Открыв коробочку и прикалывая новёхонькую, сверкающую на свету медаль на грудь Кочнова, он улыбнулся Прасковье:

– Сколько орденов, медалей у вашего танкиста?

Прасковья, стесняясь «высоких» гостей, робко вымолвила:

– Сколько есть, все его. Только носит их по большим праздникам.

Генерал, пожимая руку ветерана, продолжал:

– Гордиться Вам надо своими ратными подвигами, Вы заслужили это!

Расскажите немного о своей жизни.

– Да вроде и рассказывать нечего, всё, как у других. Война вот никак не забывается, друзья-танкисты. А счастье своё нашёл в браке с Прасковьей. Она тоже награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Его глаза повеселели, будто наполнились тёплыми лучиками солнца:

– Семерых детей вырастили, уму – разуму научили. Уже и внуки идут на смену.

Генерал поднялся, оправил шинель и как бы подвёл черту под их разговором:

– Славному роду нет переводу, уважаемый ветеран. Будьте здоровы и живите долго!

Проводив гостей, супруги Кочновы вспоминали встречу в деталях: о том, как уважительно расспрашивали о жизни, о войне, как внимательно рассматривали Матвеевы картины и восхищались ими. Прасковье очень понравилась фраза генерала «Славному роду нет переводу» До позднего вечера говорили об успехах и достижениях детей. Старший сын Володя окончил строительное училище, работал топографом – создавали карту местности в с. Нылга с целью добычи угля. Срочную службу проходил на

острове «Русском», потом женился. Уже восемь лет живут в Якутии. Сын перенял от отца любовь к прекрасному, он художник – маринист и стихи пишет хорошие, живые. Работал художником-оформителем, а сейчас – в водной инспекции (ГИМС – госинспекция по маломерным судам). Володины дочки умницы, учительями мечтают стать. Сын Саша закончил железнодорожный институт, работает машинистом в Биробиджане. Дочка Любаша учитель, верная подруга военного. Сначала они служили в Семёновке, затем – в с. Украинка и г. Уссурийске.

Людочка живёт здесь, в Семёновке. После восьмого класса училась на годичных курсах поваров, работала поваром, а сейчас уже завстоловой. И детки славные у неё, трое их. Она по-прежнему любит рисовать да ещё и вяжет хорошо. А Верочка, как и мечтала в детстве, стала лечить больных. Девятый и десятый классы семёновские школьники заканчивают в интернате, за который надо платить, поэтому после восьмого она поехала поступать в медучилище. Конкурс на отделение «Сестринское дело» был большой – девять человек на место, но девочка поступила без проблем. По распределению попала в Сковородино, где прошла «курс молодого бойца» во всех отделениях железнодорожной больницы. Из неё получилась настоящая сестра милосердия, как ёмко выражали этим словом суть нелёгкой работы в прежние времена. Человеческие качества, чуткость и внимание, у неё на высоте. И рука у неё, говорят, лёгкая. Любимая профессия много значит в жизни. А ещё Верочка донор, многих её кровь возвращает к жизни. В свободное время она вяжет крючком и на спицах, плетёт макраме, разводит цветы.

– От тебя, Паша, у неё любовь к цветам. Каких только нет, – ласково говорит Матвей, коснувшись плеча жены.

– Но самый дорогой – лилия белая. Они с Люсей так и зовут его любовно «мамин цветок», – смахнула Прасковья набежавшую вдруг слезу.

– А какая у Веры замечательная доченька Ларочка! Всего-то пять лет, а такая смышлённая – вся в мать, – поддержал Матвей жену. А Виктор стал

хорошим водителем, женился, вот уже и ребёночка ждут. Младший сынок тоже стал водителем.

– Как там служится нашему Коле-Николаше? – озабоченно произнесла Прасковья.

– Нормально, мать, нечего беспокоиться, Кочновы никогда не халтурили.

Прасковья погладила мужа по плечу и озорно засмеялась:

– Хороших детей мы с тобой воспитали, Матвей, вот только живут в разных уголках страны – это плохо.

Матвей посерёёзнул:

– Дети и должны улетать из родительского гнезда. Главное, что они дружны и помнят уроки жизни своих родителей.

Эпилог

Когда дед Матвей решил, что пора уж перебраться к дочке Даше доживать свой век, он собрал в чемодан всё ценное, что было в доме, и отправился по линии железной дороги. Дотопаю, здесь всего-то три километра, чего беспокоить дочку. Но ДусинБатьяс подговорил жену выследить деда и убить его с целью овладения чемоданом. Их, конечно, нашли и осудили.

У Даши с мужем трое детей. Старшая, Зиночка, помнит, каким хорошим был дед Матвей и даже научил её когда-то пользоваться ножом и вилкой.

Сергей пришёл с фронта израненный и контуженый, с утерянными документами. На жизнь зарабатывал, как и брат Матвей, своими умениями: рисовал, паял всякую утварь, клал печи и стриг всех жителей Нарышкино. С вдов никогда денег не брал. Его любимая жена Аня умерла при родах, и растить сына и дочку Сергею помогала бездетная сестра Варя.

Матвей Матвеевич ушёл из жизни одиннадцатого мая одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Прасковья прожила ещё долго. Сын Владимир стал художником, издал три книги стихов и рассказов. Его дочь Ирина работает директором средней школы, Светлана – методист училища подготовки кадров для аэрофлота. Дети Александра, Надежда – детский хирург, Василий – экономист. Дочь Любовь живёт в Московской области, двадцать один год жизни отдала школе. Её сын – подполковник ФСБ, дочь Наталья – экономист. Дети Людмилы: Евгений – электрик прииска «Покровский», Алёна – повар, Виктор – старший прапорщик в г. Владивостоке. После смерти отца Вера перебралась в Свободный, поближе к маме. Работала в больнице водников, в лаборатории СЭС, в кабинете окулиста. О мастерстве В.М.Прониной говорит её высшая категория. Её дочь Лариса окончила железнодорожный институт, работает на вокзале. Сыновья Виктора строят космодром Восточный. Николай живёт в Ставрополье, работает водителем.

Да, Жизнь Матвея и Прасковьи Кочновых состоялась. Светлая им память.